

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ.

„Курь южная“. Романъ П. Гибборикки. „Востокъ Европы“. Повесть. „Рассказы“. Романъ К. Сивилевича. „Миръ Южный“. Повесть. „Туманы“. Романъ П. Гибборикки. „Книжка Неделя“, повесть.

Ни для кого не будетъ, по всей известности, новостью, если я скажу, что во всѣхъ январскихъ книжкахъ вышедшихъ экземпляровъ, нѣтъ ничего выдающагося по талантовости или новизнѣ темъ, важной беллетристики. Наша литература давно уже переживаетъ „временное оскуднѣе“, которое растянута въ бѣду, чѣмъ на двадцать лѣтъ, и читающая публика, кажется, начинаетъ привыкать къ этому „временному оскуднѣю“, какъ къ чему-то обычному для русской литературы.

Вопросъ объ оскуднѣи нашей литературы не разъ дебатировался въ современной печати; насколько мнѣ извѣстно, спорившія стороны пришли только къ одному единогласному рѣшенію, что современная литература, действительно, не блещетъ произведеніями талантовъ первой величины, но въ объясненіи причинъ этого безотраднѣе явленіе наши критики разныхъ лагерей остаются каждый „при особомъ мнѣніи“.

Не входи въ подробное изложеніе и оценки этихъ мнѣній, а въ пѣлю моего обзорнаго отзыва только, что всѣ эти разнообразныя взгляды и мнѣнія о причинахъ упадка, истощенія литературы въ основаніи сводятся къ нѣсколькимъ точкамъ зрѣнія:

по одной талантѣ въ нашей беллетристикѣ перевелся отъ того, что ихъ стѣснѣла тенденціозность, по другой — дѣло не въ талантахъ, а въ условіяхъ общественной жизни, и сколько бы талантовъ не появилось въ литературѣ, но если общественная жизнь напоминаетъ собою „пустынное мѣсто“, то литература отъ этого ничего не выиграетъ.

Мнѣ кажется, что послѣднее объясненіе ближе къ истинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ припомнить, что изъ себя представляла русская жизнь въ послѣдніе два десятилѣтія — 80-е и 90-е годы? Какую-то пустыню, среди которой раздавалась проповѣдь изъ Успенской Поляны о личностѣ самоусовершенствованіи, о закваніи самой себя интеллигенціи и поведеніи, клонившемъ къ постепенному прекращенію рода человеческого. Общественная среда была бѣдна животворящими идеями. Сама жизнь имѣла характеръ прозябанія. Гдѣ же при этихъ условіяхъ художникъ, будь то талантъ первой величины, могъ потерпѣть изъ жизни матеріала для широкой, блестящей яркой краски, картины? И нельзя сказать, чтобы у насъ не было талантливыхъ беллетристовъ, но они не дали ни одного произведенія, равнаго по силѣ и значенію произведеніямъ школы беллетристовъ 40-хъ, а потомъ 60-хъ годовъ, а разбѣжались и разбѣживаются на мелочи. Вы, конечно, замѣтите, что въ послѣдніе годы наша беллетристика пере-

полнена очерками, этюдами, набросками и т. п. отрывками не больше печатнаго листа. Изъ лучшихъ произведеній послѣднихъ лѣтъ именно приходится въ серіи этихъ маленькихъ разсказовъ, новеллъ. Такими, напримеръ, разсказами современныхъ беллетристовъ Чехова и Короленко. Попытки написать большой романъ терпѣли фiasco.

Среди современныхъ беллетристовъ, однако, выдѣляется разносторонне образованный и безусловно интересный романистъ — г. Гибборикки, который, вѣтъ уже подрѣзъ лѣтъ шесть, выступаетъ каждый годъ съ новымъ романомъ на страницахъ „Востокъ Европы“.

Въ это время, какъ, вѣроятно, извѣстно присутствующимъ, г. Гибборикки не пользовался особенно высокой репутаціей — это было въ періодъ увлеченія натурализмомъ въ стилѣ Золя и К°. Въ то время, съ легкой руки Михайловскаго, за нимъ даже упрочилась пугачья кличка „Шеръ Бобо“, и въ періодической печати быстро приобрѣлъ право гражданства терминъ: „набоборикать“, т. е. состряпать какой-нибудь пасквили съ порнографическимъ букетомъ. Наши лучшіе критики тогда не жаловали ревностнаго послѣдователя Золя.

Но времена мѣняются. Пережились отчасти и самъ г. Гибборикки.

За послѣднее время онъ, видимо, поохладѣлъ къ натурализму, ради натурализма и взялъ на себя задачу отражать въ романахъ общепе-

2

Кубанские губ. ведомости. Екатеринодар,
1899. 23 января. № 18.

С. 2, 3.

ественное настроение, „злобу дня“. Серия этих романов-хроник, заставляла переминать отношение к нему и критики, и читающей публики. Теперь за ними упрочилась репутация „лопца моментом“. Надо заметить, что Гюборикин является очень чутким фельетонистом и не пропускает ни одной злобы дня последнего времени, не откликнувшись на нее. Нельзя сказать, чтобы это всегда удачно было: два последних его романа: „По другому“ и „Тяга“ вызвали в печати нарекания односторонним изображением в первом романе народоунижающей у нас марксиста, и сочинением неблизких в лицах о положении русской фабрики и „тяги“ к ней русского крестьянина.

В январской книжке „Вестника Европы“ за этот год Гюборикин выступил с романом „Куда идешь“. Судя по началу, конечно, трудно предсказать, куда поведет своих читателей почтенный рыцарь. (Гюборикину теперь идет 63-й год), но есть некоторые намеки, по которым и теперь можно предположить, что новый роман будет посвящен одной из „злых дней“ нашего времени: походу на помощь или, по крайней мере, снисходительной грусти его, принакинутому чисто личным, уже эгоистическим взглядам и намерениям, преритически описанная из „идеологическим“.

Записка романа начинается в одном из „мелких курортных,

на который прибывает ливингс родившийся русский барин-князь Михаил Романович Елатомский, страдающий наследственной пидеярой. Несмотря на свои 46 лет князь утомлен жизнью, но с другой стороны со страхом думает о неизбежности кончины. Но ирисосердце еще недостаточно обрисовано автором, который только дает понять, что князь тяготится буржуазной обстановкой своей жизни, чувствует себя чужим в своей семье, вынуждает, и довольно зло, при посторонних свою жену и презирает своего старшего сына и дочь, детей конца века, т. е. озабоченных только культом своего собственного тела. Елатомскому не хватает праздника, пустая и ничтожная жизнь всех бар и разбогатевших буржуа. Делать ли он сам как-нибудь реальными попытками порвать связь с этой ненавистной ему средой—назвнач в романе определенно неясно. Есть глухие указания, что он увлекается политиканством и интриганством.

В семье на князя смотрят, как на „орудиваго“, а старший сын прямо считает его психопатом. Одинаковых вкисрий с сыном и жена князя, хорошо сохранившаяся женщина, когда-то красавица и теперь еще не утратившая своих чар. Но у князя есть еще младший сын, какой-то мечтатель-инстик, стоящий на стороне отца.

Почтенная маменька с своими старшими сыновьями пришли к за-

ключению, что оставить на свободе главу семейства не безопасно: чего доброго „психопатом“ может, в одно прекрасное время, разрушить все их благосостояние. Князь, очевидно, хотит обвинить психически больным и влить его под опеку. От этого целью князя называется русского профессора-психиатра, летя десяти тому назад ливингс Елатомского и бывшего без ума от княгини. В то время, под властью охватившей его страсти, он готов был совершить преступление и обвинить князя сумасшедшим, если бы княгиня отняла у него взаимность. За истекший промежуток времени доктор успешными научными работами заслужил в себя страсти к княгини и явился на этот раз в ношой уверенности в себе поступить так, как ему подскажет чувство долга.

Такова фабула первых глав романа Гюборикина. Написан он с обычным мастерством опытного былетриста, хотя, разумеется, поныт свойственными Гюборикину различиями словесек.

Та же тема—столкновение „отцов“, не чуждых задрокот духа, со своими детьми и семьями, притиснутыми крайним эгоизмом,—обещает эксплуатировать, судя по началу, и г. Станкович в романе „Равнодушные“, печатающемся в „Мире Божьем“. В данном случае заглавие романа „Равнодушные“ прерушивается автором к фрик-

1899. 23 января. № 18.

с. 2, 3.

ции современной молодежи, безучастно по всему отожествляясь, «как добру и злу почтительно равнодушной». Представителем этой молодежи автором пока выводится сынъ Василия Николаевича Ординцева, человека не примиряющагося съ пошлостью обывательской жизни и частенько изъ-за этого ивившаго «историкъ». Последствиемъ этихъ «историкъ» было то, что Ординцеву частенько приходилось испытывать сознательное удовольствие—бѣгать съ мѣста на мѣсто. Впрочемъ, Ординцева это само по себѣ мало бы огорчало, если бы у него не было жены, которая всякій поступокъ, посягающій на достоинство и обидчивый повелевъ неприятныя осложненія по службѣ, ставила ему въ величайшее преступленіе. Разладъ между мужемъ и женой обострился съ каждымъ днемъ и перешелъ въ открытую и непрерывную войну. Каждый день происходили стычки, оканчивавшіяся обидою съ сильными выраженіями, въ родѣ «подлоца» и «подлой твари». Эта «касторга», какъ Ординцевъ называлъ свою семейную жизнь, усугублялась для него сознаніемъ того, что дѣти для него являются потерянными, чужими. Особенно возмущала его старшій сынъ Алексѣй, на котораго онъ возлагалъ большія надежды, мечтавъ въ немъ имѣть друга. Какое имѣть другъ и какое отношеніе этого молодого человека къ «донкихотескимъ» поступкамъ

отца прекрасно обрисовывается отъ дущей сценкой.

Ординцевъ, замѣтившій въ начальника отклоненіе въ управленіи какой-то желѣзной дороги, вступился за одного своего подчиненнаго, котораго управляющій, Гобанинъ, хотѣлъ было уволить безъ всякой причины. Жена, узнавъ объ этой «новой исторіи», сдѣлала муку сцену. При этомъ присутствовали и дѣти. Слабая надежда, что его смѣтъ, если не почувствуешь, то хотя поймешь правоту отца, заставила Ординцева обратиться къ Алексѣю съ вопросомъ: «рационально или не рационально» поступить отцу, вступивъ за обиженнаго человѣка?

— Я полагаю, отвѣчалъ сынъ, что Гобанинъ со всѣми его взглядами и привычками какъ унаследованными, такъ и приобретенными, ты не передѣлаешь, что бы и какъ бы ты ему ни говорилъ. Если отъ, съ твоей точки зрѣнія, скотина, то таковой и остается. Это его право. Да и якобы называть кому бы то ни было свое иживіе—донкихотство и непроизводительная трата времени. Темпераментъ и характера, зависящихъ отъ физиологическихъ и иныхъ причинъ, нельзя измѣнить словами... Человѣкъ поступаетъ, какъ ему угодно, и для лишенія его этой выгоды лучшимъ стимуломъ болѣе дѣйственнымъ. Это, по-моему... А, во-вторыхъ,—ты напечала дова удовольствія, происходящаго отъ удовольствія альтруистическаго

чувства, какую ты получить, защипавъ обывательнаго, по твоему иживію, человека, обращающаго въ нуль передъ тою суммою неприятностей и страданій, которыя ты можешь испытать въслѣдствіе твоего, следовательно, ты же останешься въ явномъ проигрышѣ... А, въ-третьихъ, если Гобанинъ имѣетъ намѣреніе, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, удалить служащаго, то, разумеется, удалить. Ты, пожалуй, отстоишь Андреева, но Гобанинъ уволитъ Петрова или Иванова. Такихъ образцовъ, явится перестановка именъ, а самый фактъ несправедливости останется. А, между тѣмъ, ты, защипавъ справедливости, не достигнешь цѣли и, кромѣ того, ради оцущенія удовольствія, и притомъ кратковременнаго и, въ сущности, только тѣшащаго самолюбія, рискуешь положеніемъ и жить самымъ невольнымъ рискуешь несполнить обязанности отъжительно семьи. Кажется, очевидно!—заклучилъ Алексѣй.

— Еще бы! советъ, очевидно... Необыкновенно очевидно,—начать быю Ординцевъ, саркастически-сдержаннымъ тономъ. Но отъ его не выдержалъ. Висая на побѣдищѣ, отъ съ недовѣстью взглянуть на сына и, возмущенный, крикнулъ ему:

— Фу, мерзавецъ! Ослѣпленъ ли порокомъ, достойная осмотниваго-ся отонета! и это въ двадцати два года? Какими же порочными бѣдами ты, молодой старикъ, въ тридцать?... Выбывшій отецъ убѣжалъ.

— А ты, Леша, не обращай внимания на отца! — промолвил аибажно мать. Таковъ смыслъ вѣры этого „молодого старика“.

Наконецъ, тутъ же самый жотинъ — разлада стариковъ-отцовъ съ юношескими чувствами — съ „дѣтми-стариками“ сканивается и въ третьемъ романѣ: „Туманы“ — П. П. Гибдича, начинающаго печататься въ „Книжкахъ Недѣли“. Одинъ изъ героевъ этого романа Миропольцевъ, отецъ взрослой дочери-невесты, совершенно расходится на выгодахъ съ женою на воспитаніе дочери. Нѣкимъ мамонька готовить изъ дочери куклу-невесту къ всякимъ попыткамъ своего мужа пробудить въ дочери общечеловѣческія струны — относиться къ разряду цѣлѣнныхъ идей. Миропольцевъ возмущается черствостью воспитанія и дѣлаетъ на стѣмъ изъ-за того, что „при верныхъ же столкновѣніяхъ съ жизнью воспитанное мамъ поколѣніе, оказывающае, поджимая хвостъ, чего-то „идти, и сами же мы его науки-наемъ на эту жоркость“. Въ томъ же романѣ есть слѣдующій эпизодъ, который женится на балеринѣ, потому что ему нужна жена, и барышня-балерина выходитъ замужъ за пугейца, потому что убѣждена, что нѣтъ нго выйдетъ порадочный нидеверъ.

Разумѣется, карьеристы и дѣтпы были среди молодежи всегда, были они и въ 60-ые и 70-ые годы. Но, очевидно, въ современную эпоху такого рода типъ является господствующимъ. Не даромъ же

три романиста одновременно отиѣтили его въ своихъ произведеніяхъ. Невольно, самъ собой, напрашивается вопросъ: какими образомъ у отцовъ-идеалистовъ выржели дѣти съ такими узко-практическими взглядами, что сами отцы дѣлняютъ ихъ „равнодушными“.

— Кто виновать въ этомъ, кромѣ насъ самихъ? спрашиваетъ Миропольцевъ — однимъ изъ персонажей романа „Туманы“.

— Разумѣется никто, — мы дрянны родители, которые не умѣли дать воспитаніе дѣтямъ. Это ужъ не поправишь, дѣло кончено, — отиѣчаетъ Миропольцевъ.

Отчасти можетъ быть онъ и правъ, но, съ другой стороны, стоитъ припомнить 40-е и 50-е годы, даппе такую плавду общественнаго дѣлателя на всякъ поприцахъ и прошедшихъ въ своей области далеко не блестящую школу воспитанія въ растлѣвающей обстановкѣ крѣпостного права, чтобы увидѣть односторонняго объясненія нарожденія отталкивающаго типа одними семейными условиями.

Несомнѣнно причинъ эти коренятся глубже. Припомните эпоху великихъ реформъ: тогда нѣль въ обществѣ духъ жизни, и для всякаго задача жизни была проста: выстояніе въ всемъ очевидной и поправной справедливости. Въ той общественной атмосферѣ не могло быть „равнодушныхъ“ и были нѣ

менные борцы за лучшія начала и не менѣе яростные защитники старинны

Въ какой же атмосферѣ выросло современное поколѣніе?

Мы уже говорили и въ началѣ о томъ, что представляли 40-е и 50-ые годы — „пустопорожнее мѣсто“, марѣдка поросшее бурьяномъ.

Такъ ли проста задача у современной молодежи, какъ это было 30 лѣтъ назадъ?

„Куда идти?“ „Что дѣлать?“ Кто нѣ состоянн теперь на эти вопросы дать категорическій отвѣтъ, который бы вполне удовлетворилъ запросы молодой души?

Отвѣты давались въ большомъ количествѣ: идите въ народъ, тачайте сапоги, живите своими хлѣбомъ, сторонитесь женщинъ и, наконецъ, последнее слово „научайте Маркса“.

Но всѣ попытки осуществить эти программы приносили одинъ разочарованія. Теперь молодежь на ренутнн: только нащупываетъ себѣ дѣйствительную дорогу, которая должна вывести ее на поприщѣ дѣйствительно плодотворной работы для народа. Но нѣтъ небольшой горсть прижизитонъ, большинство, какъ и всегда, отжигаетъ безучастно и равнодушныа дѣлать тоннъ.

Но когда дорога найдется, когда молодежи открытн захватывающее дѣло она пойдетъ на него и нту-аласти и идеалисты уилекуть съ собой и равнодушныхъ, какъ это и было у насъ въ 60-ые годы. *)

И. Кузнецовъ.

*) Читатель интересъ въ отразитъ въ черѣ (19 января) литерату, ной соопн нума, круака.